

Смерть в 1982 году Л.И. Брежнев не удивила. Ему было почти 76 лет, телевидение наглядно демонстрировало, что Генсек давно и тяжело болен.

Печальное известие, как тогда было принято, на сутки задержали. Но все поняли: что-то случилось, не увидев вечером объявленной трансляции празднования Дня милиции.

Дальше события развивались рутинно: траурное извещение, медицинское заключение о причинах смерти, похороны, пленум ЦК КПСС, избрание нового Генсека. Им, как известно, стал Ю.В. Андропов, незадолго перед этим, в мае 1982 года занявший пост секретаря ЦК, освободившийся после смерти М.А. Суслова, признанного второго человека в партии.

Смена руководства выглядела вполне естественной и закономерной, не вызвав ни сомнений, ни пересудов.

Вышедшая в 1992 году книга главного правительственного медика Е.И. Чазова "Здоровье и власть" подтвердила, что все было так, как официально сообщалось.

Вот соответствующая выдержка из этой книги.

Появился взволнованный и растерянный Андропов, который сказал, что сразу после роющего звонка догадался, что речь идет о смерти Брежнева. Он искренне переживал случившееся, почему-то суежил и вдруг стал просить, чтобы мы пригласили Черненко. Жена Брежнева резонно заметила, что Черненко ей мужа не вернет и ему нечего делать на даче. Я знал, что она считает Черненко одним из тех друзей, которые снабжали Брежнева успокаивающими средствами, прием которых был ему запрещен врачами. Может быть, это сыграло роль в тоне отрицательного ответа на предложение Андропова. Андропов попросил меня зайти вместе с ним в спальню, где лежал Брежнев, чтобы попроситься с ним.

Медицинский персонал уже уехал, и в спальне никого не было. На кровати лежал мертвый лидер великой страны, 18 лет стоявший у руля правления. Спокойное, как будто во сне, лицо, лишь слегка одутловатое и покрытое бледно-синей маской смерти. Андропов вздрогнул и поблелел, когда увидел мертвого Брежнева. Мне трудно было догадаться, о чем он в этот момент думал — о том, что все мы смертны, какое бы положение ни занимали (а тем более он, тяжело-

Свидетельство Ю.М. Чурбанова

"9 ноября Леонид Ильич приехал из Завидова на свою дачу в Заречье. Он был в хорошем настроении, хорошо себя чувствовал. Вечером посмотрел программу "Время" — он никогда не пропускал. А до программы "Время" один или два документальных фильма. После этого сказал начальнику охраны: — Разбуди меня завтра в 8 часов, предем в ЦК, надо поработать над документами к Пленуму."

Врача и медсестру, которые дежурили на даче, Леонид Ильич всегда на ночь отпускал домой. По складу характера он не любил, чтобы медики его чрезмерно опекали.

Леонид Ильич поднялся к себе в спальню и лег, приняв традиционные таблетки, которые ему постоянно подсовывала медсестра Коровикова. Комитетский человек. Там, начиная с кухарки, все были комитетчики.

Ночью, как говорила потом Виктория Петровна, около 4 часов Леонид Ильич вставал в туалет, затем снова лег в постель. Спал он на двух подушках: внизу большая плоская, сверху маленькая. Утром Виктория Петровна встала, как обычно раньше всех. Это было связано с приемом лекарств. Шторы на ночь опускались, в спальне было темно, она ничего не заметила; приняв лекарства, выпив кофе, позвонила начальнику охраны: пора будить Леонида Ильича.

И когда пошли будить, увидели, что он сполз с этой маленькой подушки. Поза была неестественная, он не подавал признаков жизни. Как могли, в меру своей обученности, охранники начали делать искусственное дыхание. Но всем было ясно, что помочь уже ничем нельзя.

Тут же было сообщено Чазову. Внучка Леонида Ильича позвонила мне в машину около девяти:

— Срочно приезжайте, с Леонидом Ильичом плохо.

Я заехал за женой, она тогда работала в министерстве иностранных дел, и мы со всей возможной скоростью направились на дачу. Виктория Петровна сказала, что уже приезжал Андропов и взял портфель, которые Леонид Ильич держал в своей спальне. Это был особо охраняемый "бронированный" портфель со сложными шифрами. Что там было, я не знаю. Он доверялся только одному из телохранителей, начальнику смены, который везде его возил за Леонидом Ильичом. Забрал и уехал.

После Андропова, приbral Чазов, зафиксировал смерть".

Снова Чазов

Характеризуя Брежнева в последний период его жизни, Чазов пишет:

"Это был уже глубокий старик, отметивший свое 75-летие, сентиментальный, мягкий в обращении с окружающими,

ТАЙНА ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

Он умер, как только назначил преемника. Не Андропова

Е. И. Чазов пишет:

"7 ноября, как всегда, Брежнев был на трибуне Мавзолея, вместе с членами Политбюро приветствовал военный парад и демонстрацию. Чувствовал себя вполне удовлетворительно и даже сказал лечащему врачу, что бы тот не волновался и хорошо отдыхал в праздничные дни.

10 ноября, после трех праздничных дней, я, как всегда, в 8 утра приехал на работу. Не успел войти в кабинет, как раздался звонок правительственной связи, и я услышал срывающийся голос Володи Собаченкова из охраны Брежнева, дежурившего в этот день. "Евгений Иванович, Леониду Ильичу нужна срочно реанимация", — только и сказал он по телефону. Бросив на ходу секретарю, чтобы "скорая помощь" срочно выехала на дачу Брежнева, я вскочил в ожидавшую меня машину и под вой сирены, проскочив Кутузовский проспект и Минское шоссе, через 12 минут (раньше, чем приехала "скорая помощь") был на даче Брежнева в Заречье.

В спальне я застал Собаченкова, проводившего, как мы его учили, массаж сердца. Одного взгляда мне было достаточно, чтобы увидеть, что Брежнев скончался уже несколько часов назад. Из рассказа Собаченкова я узнал, что жена Брежнева, которая страдала сахарным диабетом, встала в 8 часов утра, так как в это время медицинская сестра вводила ей инсулин. Брежнев лежал на боку, и, считая, что он спит, она вышла из спальни. Как только она вышла, к Брежневу пришел В. Собаченков, чтобы его разбудить и помочь одеться. Он-то и застал мертвого Брежнева. Вслед за мной приехали врачи "скорой помощи", которые начали проводить в полном объеме реанимационные мероприятия. Для меня было ясно, что все кончено, и эта активность носит больше формальный характер.

Две проблемы встали передо мной — как сказать о смерти Брежнева его жене, которая только 30 минут назад вышла из спальни, где несколько часов лежала рядом с умершим мужем, и второе — кого и как информировать о сложившейся ситуации. Я не исключал, что телефоны прослушиваются, и все, что я скажу, станет через несколько минут достоянием либо Федорчука, либо Шелокова. Я прекрасно понимал, что прежде всего о случившемся надо информировать Андропова. Он должен, как второй человек в партии и государстве, взять в свои руки дальнейший ход событий. На работе его еще не было, он находился в пути. Я попросил его секретаря, чтобы Андропов срочно позвонил на дачу Брежнева. Буквально через несколько минут раздался звонок. Ничего не объясняя, я попросил Андропова срочно приехать.

Тяжело было сообщать о смерти Брежнева его жене. Виктория Петровна мужественно перенесла известие о кончине мужа. Возможно, внутренне она была готова к такому исходу.

большой), или о том, что близок момент, о котором он всегда мечтал — встать во главе партии и государства. Он вдруг заспешил, пообещал Виктории Петровне поддержку и заботу, быстро попрощался с ней и уехал."

Что-то не так...

Книга Чазова приоткрыла завесу молчания, долгие годы окружавшую все связанное со здоровьем видных партийных и государственных деятелей. Нарушенное им "табу" вызвало множество разговоров на запретную прежде тему. Многие, кто так или иначе был причастен к описанным в книге событиям и ситуациям, в устных рецензиях на нее что-то дополняли и уточняли, что-то ставили под сомнение. Мне довелось услышать от людей, близких к семье Брежневых, что Виктория Петровна рассказывала о смерти Л.И. Брежнева совсем не так, как Чазов.

Допускаю, что ее негативные высказывания о произведении начальника 4-го Главного управления Министерства здравоохранения СССР были вызваны содержавшейся в нем нарушениями врачебной этики и бестактностями, вроде следующей:

"Неисповедимы пути Господни", — говорят в России. В 1972 году, когда Брежнев был еще полон сил, активно работал, мы боялись за жизнь его жены, у которой произошло обострение тяжелого диабета и развилась сердечная недостаточность. Давно нет Брежнева, а далекое прошлое уходят годы его руководства страной, а его жена, которую мы чуть было не похоронили в начале 70-х годов, еще жива".

Упрекать свою пациентку в том, что она "зажилась"... Хорош доктор! Ну, да бог с ним, с Чазовым. Как говорил в таких случаях А.Б. Чаковский, "не все же воспитывались с гувернантками". В устном пересказе того, что говорила Виктория Петровна, сохранились совершенно поразительные детали. Оказывается, Андропов приехал в Заречье почти сразу после того, как стало ясно, что Брежнев мертв. Никому ни слова не говоря, он прошел в спальню, взял там небольшой черный чемодан и уехал. А затем официально явился во второй раз, как будто здесь и не был. На вопрос о том, что было в чемодане, Виктория Петровна ответить не могла. Леонид Ильич ей говорил, что в нем "компромат на всех членов Политбюро", но говорил с смехом, как бы шутя.

Как же было на самом деле? Ни Виктории Петровны, ни детей Брежневых Юрия и Галины нет в живых. Я обратился к Юрию Михайловичу Чурбанову, бывшему в период описываемых событий мужем Галины Леонидовны.

ми, в какой-то степени "добрый дедушка". Как и у многих стариков с выраженным атеросклерозом мозговых сосудов, у него обострилась страсть к наградам и подаркам.

Он спокойно, без больших волнений пережил период XXVI съезда партии. Поддержанный всем Политбюро, да и большинством партийных руководителей, курс "на стабильность кадров" сохранил во главе партии и государства недееспособного лидера. В стране складывалась все более неопределенная ситуация, и большинство понимали, что все держится на фигуре дряхлого, больного Брежнева и что его уход из жизни может вызвать непредсказуемые последствия".

Было бы несправедливо умолчать о том, что Брежнев несколько раз ставил в кругу ближайших соратников вопрос о своем уходе на пенсию. Но каждый раз его дружным хором отговаривали, убеждали в незаменимости, внушали, что он любим народом и еще может принести стране много пользы.

К тому имелись две основных причины. Во-первых, Политбюро по возрасту было примерно однородно, что потом нашло отражение в термине "геронтократия". Соглашаясь с отставкой Брежнева, члены Политбюро одновременно определяли бы и свою собственную судьбу. Во-вторых, и это главное, существовала полная неопределенность в отношении преемника. Многие видели в этой роли себя (в первую очередь Андропов, Громыко, Кириленко, Романов) и ни за что не хотели согласиться на кого-то другого.

Политика, как известно, есть искусство возможного. И вполне закономерно, пишет Чазов, "в этот период, внешне незаметно, начали складываться две группы, которые могли в будущем претендовать на руководство партией и страной. Одна — лидером которой был Андропов, вторая — которую возглавлял Черненко. Начало противостояния этих двух групп я отношу к периоду непосредственно после смерти Суслова. И партия, и народ спокойно восприняли потерю второго человека в партии — Суслова. Многие совершенно справедливо считали, что с его именем связан не только догматизм, процветавший в партии, но и консерватизм, пронизывавший не только жизнь общества, но и все сферы государственной деятельности. Его уход из жизни остро поставил вопрос — кто придет на его место, кто станет вторым человеком в партии, а значит, и в стране?"

Уверен, что у Брежнева не было колебаний в назначении на этот пост Андропова. И не только потому, что он был обязан ему, начиная с XXV съезда партии, сохранением своего положения Генерального секретаря и лидера страны, но и в связи с тем, что, несмотря на снижение критического восприятия, он прекрасно представлял, что в Политбюро нет кандидатуры более достойной, чем Андропов. Черненко, может быть, был и не менее, а может быть, и более предан Брежневу, но он не шел ни в какое сравнение с Андроповым по масштабности мышления, общему развитию, аналитиче-

* Пленум ЦК КПСС по вопросам научно-технического прогресса был назначен на 15 ноября.

* Тогда председателя КГБ.